

ВИКТОР КАЗИМИРОВИЧ БОЛДАК

соискатель кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

viktorbol@mail.ru

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОТОТИПЕ
ОБРАЗА ХИЛЬДЕБРАНДА

В статье рассматривается возможность наличия исторического прототипа у героя средневерхненемецкого эпоса Хильдебранда. Обосновывается мнение о том, что прототипом Хильдебранда был вождь остроготов IV века Германарих (Эрменрих), подвергшийся впоследствии значительной идеализации. Рассматривается механизм формирования из образа одного исторического деятеля разных эпических героев: отрицательных (например, эдического Ёрмунрекка) и положительного – Хильдебранда.

Ключевые слова: Хильдебранд, германский эпос, «Песнь о Нibelунгах»

Неоднократно высказывалось предположение о том, что историческим прототипом эпического средневерхненемецкого Хильдебранда был вождь остроготов IV века Германарих (Эрменрих), а финальная сцена «Песни о Нibelунгах», в которой Хильдебранд получает рану от Хагена, а потом убивает Кримхильду, является отголоском реального покушения на Германариха. Согласно Иордану, этот «король» приказал казнить некую «росомонку Сунильду», после чего получил рану от ее братьев – Сара и Аммия [4; 86]. Почти буквально эта сцена воспроизводится в «Речах Хамдира» «Старшей Эдде» [11; 337–339], где Ёрмунрекк Могучий казнит свою жену Сванхильд, а потом получает тяжелые раны от ее братьев – Хамдира и Сёрли. Однако данное предположение до сих пор не было достаточно обосновано, поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос подробнее.

Несмотря на то что исследователи не раз высказывали мнение о неисторичности германского эпоса, с этим можно безоговорочно согла-

ситься только в отношении более поздних героев, когда, действительно, многочисленные попытки найти исторические прототипы, например, верхненемецкого Зигфрида [5; 296–299] и эдического Хельги [5; 252] не принесли убедительных результатов. Однако сюжетам и героям эпоса, восходящим к эпохе Великого переселения народов, находится соответствие среди героев исторических событий этого периода. Так, уже упоминалось, что эдический Ёрмунрекк, несомненно, имеет прототип – вождя остроготов Германариха [5; 283–284] (Аммиан Марцеллин называет его «Эрменрих» [1; 494]). Прототипом популярнейшего верхненемецкого эпического героя Дитриха Бернского (эдического Тьодре-ка), по общему мнению, является «король» тех же остроготов V–VI веков Теодорих Великий. Образы верхненемецкого Этцеля и эдического Атли восходят к вождю гуннов Аттиле.

В отношении последнего следует заметить, что хотя и огромное расстояние отделяет коллизии, описанные во второй части «Песни о Нibe-

лунгах», от реальной ситуации в ставке Аттилы V века, держава гуннов представляла из себя весьма рыхлую конфедерацию племен; власть «императора» держалась в основном на искусном маневрировании между интересами вождей подвластных ему племен (в основном – германских). Поэтому реальному Аттиле, как и эпическому Этцелю, несомненно, чаще приходилось уговаривать своих вассалов, чем им приказывать (во всяком случае, последние предпочитали вспоминать об этом времени именно так). Поэтому никак нельзя сказать, что от исторического Аттилы в германском эпосе осталось только имя. А значит, попытка нахождения исторического прототипа такого несомненно древнего героя, как Хильдебранд, не представляется безнадежной.

А. Хойслер [12; 96] выдвинул предположение, что вторая часть «Песни о Нibelунгах» разрослась из значительно более краткой древнегерманской героической песни, которая в его реконструкции предстает весьма похожей на сюжет, изложенный в песнях «Старшей Эдды» – «Песни об Атли» и «Речах Атли» [11; 220–234] (в данном издании песни называются «Гренландская песнь об Атли» и «Гренландские речи Атли»). В этих источниках Атли заманивает к себе братьев своей жены Гудрун – Гуннара и Хёгни, после чего убивает их. Мстя за братьев, Гудрун убивает мужа и сжигает его дворец (и, согласно реконструкции А. Хойслера, сама гибнет в этом пожаре). Отсюда, по мнению исследователя, и происходит сюжет второй части «Нibelунгов», с той лишь разницей, что в данном случае Кримхильда мстит не мужу за братьев, а наоборот – братьям за своего первого мужа (подобное развитие сюжета объясняется происходившими в то время процессами разложения родового общества).

Такая версия разделяется многими исследователями, например Е. М. Мелетинским: «Скандинавская версия “Эдды”, рисующая месть мужу Атли за братьев Гьюкунгов, не только архаичнее (чем в «Нibelунгах». – В. Б.), поскольку братья рассматриваются как гораздо более близкие люди, чем муж... но безусловно соответствуют ранней фазе развития сказания, поскольку без этого посредствующего звена невозможно представить себе переход от исторических фактов к сюжету “Песни о Нibelунгах”» [5; 283].

Действительно, общество Исландии XIII века было архаичнее баварско-австрийского феодального общества того же времени (у тогдаших исландцев, возможно, братья действительно считались более близкими родственниками женщины, чем муж), но две упомянутые эддические песни вряд ли стоят близко к ранней версии песни о гибели Нibelунгов (в дальнейшем будем называть ее песней-прообразом). В пользу этого говорят данные как хронологии, так и текстологического анализа.

А. Хойслер пишет, что начиная с VIII века в баварско-австрийских документах появляются

имена, схожие с именами персонажей «Нibelунгов», и делает вывод, что уже в это время существовал данный сюжет [12; 90]. Однако две упомянутые песни «Эдды» относятся к более позднему времени. А. Я. Гуревич предполагает, что «Песнь об Атли» возникла в конце IX – начале X века, а «Речи Атли» – в XI–XII веках [3; 32].

К. фон Зее замечает: «Нельзя доказать, что какие-либо из эддических песен древнее скальдических стихов IX в.; напротив, неоспоримо, что большая часть скальдических стихов древнее эддических песен» (цит. по [10; 17]).

Таким образом, верхненемецкая песня, которая впоследствии разрослась до второй части «Нibelунгов» (песня-прообраз), уже, вероятно, существовала тогда, когда эддических песен, воспевавших Гудрун, Гуннара и Хёгни, еще не было. Поэтому если и искать скандинавскую параллель реконструируемой песне-прообразу VIII века, ее можно видеть в эддических «Речах Хамдира» – архаичных и по форме [3; 32], и по сюжету (как указывалось, весьма близкому к сообщению историка VI века Иордана).

Содержание второй части «Нibelунгов» также позволяет предполагать, что древнейший сюжет не включал в себя сведений о бургундском «Гундахарисе», погибшем в V веке на войне против гуннов Аттилы (об этом «прототипе» сюжета см., например, [12; 83–85, 405]). Возможно, что как раз мотивы о Гуннаре – Гунтере – Гундахарисе и проникли в верхненемецкий эпос из эддических песен в XI–XII веках. Во второй части «Нibelунгов» [7; 362–495] Гунтер, несмотря на свое «королевское» достоинство, выглядит весьма бледно, уступая первую роль Хагену. Например, в переговорах (перед культурно-национальной схваткой поэмы), которые ведут Дитрих и Хильдебранд с Хагеном и Гунтером [7; 490–492], последнему принадлежит только одна реплика: «...признался Гунтер смело...» (стrophe 2335), а Хагену – пять (стrophы 2333, 2338, 2341, 2343, 2347), причем только в последних двух он говорит от своего имени, в остальных же отвечает и за себя, и за своего сюзерена, например: «Два столь могучих воина в плен не сдаются вам» (стrophe 2338). С точки зрения норм феодального общества это – беспримерная наглость, попрание «священных устоев». Наличие такого мотива в поэме должно иметь очень веские основания. А. Хойслер пишет: «Редко какое-либо изменение поддается столь убедительному объяснению, как это. Гибель бургундов превратилась в месть за Зигфрида – а ведь убийцей Зигфрида был Хаген! Преступник первого сказания становился во втором главным врагом мстительницы, а тем самым и главным героем второго сказания» [12; 97].

Можно заметить, что аргументация исследователя ограничивается в данном случае восклицательным знаком и обращена к эстетическому вкусу рафинированных ценителей литературы, способных оценить художественный замысел

автора и динамичность сюжета. Но среди читателей и слушателей не все являются утонченными эстетами, которые, будучи завороженными художественным мастерством автора, упустят из виду «подрывной», «антифеодальный», «анти-монархический» характер некоторых мест.

Следует добавить, что общественный статус автора («шпильмана») был весьма невысок, он не мог пренебречь недовольством даже отдельных феодалов. И единственным весомым «извинением» для автора могла явиться только ссылка на традицию, то есть на то, что в более древнем варианте данного верхненемецкого эпического сюжета «короля Гунтера» не было вообще, Хаген всегда был главным героем сказания, а «парой» ему был персонаж вроде эддического Сёрли («Сар» Иордана). Впоследствии этот бесцветный образ был заменен Фолькером, а после гибели последнего – Гунтером. Необходимо подчеркнуть, что во второй части «Нибелунгов» Хаген очень часто показан именно «в паре» с другим героем. Мы видим эти образы рядом начиная со строфы 1768 – первого конфликта по приезде в ставку Этцеля [7; 429]. Поэтому не совсем верно то, что главным героем второй части «Нибелунгов» является Хаген, скорее главную роль во второй части поэмы играет связка: Хаген и другой богатырь (сначала Фолькер, потом – начиная со строфы 2321 [7; 489] – Гунтер).

Другой пример. В поэме четыре раза упоминается бегство Хильдебранда от Хагена (причем три раза говорится о ранении последним первого). Умирающий Вольфхарт говорит: «И вы, любезный дядя, бегите лучше прочь, / Чтоб не нанес вам Хаген ущерба и вреда. / Поверьте, пуще прежнего бушует в нем вражда» [7; 486]. Затем – сообщение о самой схватке: «Зияющую рану стариk рукой зажал / И, щит закинув за спину, из зала убежал» [7; 487]. Следующий раз – при докладе Хильдебранда Дитриху: «Я Хагеном был ранен, когда хотел уйти. / Не знаю сам, как удалось мне ноги унести» [7; 488]. И, наконец, в насмешке Хагена при их следующей встрече: «Куда почетней сдаться, / Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться, / Как сделали вы нынче, прервав наш бранный спор...» [7; 491]. Это не может быть случайным и говорит о том, что ранение Хильдебранда Хагеном было главным эпизодом песни-прообраза. «Бушующая вражда» последнего по отношению к первому мотивирована в «Нибелунгах» довольно искусственно – местью Хагена за своего побратима Фолькера, убитого Хильдебрандом. Но Фолькер – поздний герой, появившийся в эпосе только в XI–XII веках [12; 112]. Таким образом, весьма вероятно, что в песне-прообразе Хаген мстил Хильдебранду за убийство своей сестры Кримхильды, и только впоследствии один из авторов переставил события местами и, кроме того, сделал Хагена не братом Кримхильды, а только указал, что они «в родстве» [7; 361].

Надо заметить, что объяснение А. Хойслером убийства Хильдебрандом Кримхильды не совсем убедительно («приговор судьбы, удовлетворяющий внутреннее чувство слушателей» [12; 94–95]). Если сам автор предполагает, что Кримхильда гибла уже в древней песне-прообразе [12; 96], то является очевидным, что это «внутреннее чувство слушателей» было просто субъективным объяснением позднейшими авторами существовавшей эпической традиции. Таким образом, есть все основания полагать, что в песне-прообразе VIII века основным мотивом было убийство Хильдебрандом Кримхильды и ранение Хильдебранда Хагеном, братом Кримхильды (вместе с другим братом) в отмщение за это убийство, а затем – пленение и гибель Хагена. Таким образом, вторая часть «Нибелунгов» разрослась «с конца» за счет присоединения новых эпизодов и новых героев (Гунтера, Фолькера, Рюдегера, Иринга, Блёделя и др.).

Следует перечислить общие черты верхненемецкого Хильдебранда (каким он предстает в ранней «Песни о Хильдебранде» [8; 10–14] и в более поздней «Песни о Нибелунгах») с эддическим Ёрмунреком и его тезками (Эрманерих, Эрменрик и др.):

1. Хильдебранд убивает своего сына Хадубранда – Ёрмунрека казнит своего сына Рандвера, а Эрманерих – Фридриха.

2. Хильдебранд убивает «жену владыки гуннов» и получает рану от ее братьев – Ёрмунрека убивает Сванхильд, после чего его ранят ее братья.

3. Постоянные эпитеты Хильдебранда: «старый богатырь», «седой удалец» и т. п. – в «Младшей Эдде» подчеркивается старость Ёрмунрека [6; 77–78].

Не менее многочисленны точки соприкосновения легендарного Хильдебранда с историческим Германарием (Эрменрихом) Иордана и Аммиана Марцеллина. Кроме уже упомянутых совпадений (возраста, казни женщины, покушения) можно вспомнить также:

1. Хильдебранд предстает богатырем «амелунгов» (остроготов), он ниже по рангу, но старше по возрасту (и старше типологически [12; 216]), чем Дитрих Бернский – Аммиан Марцеллин пишет об обширных и плодородных землях Эрменриха, весьма воинственного царя, эти земли остроготов около 375 года подверглись нападению гуннов [1; 494]; впоследствии остроготами правил Теодорих Великий (471–526 гг.); судя по Иордану, до Германариха остроготы вообще не имели достойного упоминания вождя, в период же между Германарием и Теодорихом «амелунгами» правили крайне невыдающиеся вожди (о них мало что известно, кроме имен [4; 107–112]).

2. Четырежды сообщается о бегстве Хильдебранда от противника – если верить Иордану, остроготы в IV веке потерпели поражение от гуннов, признали над собой их власть, потом восстали и снова были разбиты [4; 85–86].

3. Хильдебранд не имеет королевского титула, а является вассалом Дитриха – остроготов до самой смерти Аттилы были вассалами гуннов; не останавливаясь на вопросе о том, признал ли лично Германарих над собой власть гуннского вождя (подробнее об этом см. [2; 49–58]), отметим, что если он и погиб раньше капитуляции остроготов, то, несомненно, успел потерпеть от гуннов серию крупных поражений [1; 495], четвера которых и закончилась капитуляцией (до смерти Германариха или после нее).

4. Дружины под предводительством Хильдебранда несет страшные потери в бою («Из всей дружины вашей лишь я один в живых...» [7; 488]); местом действия является ставка короля гуннов – после разгрома гуннами в IV веке и до самой битвы на Каталаунских полях (451 г.). Иордан не упоминает почти никаких событий в истории «камелунгов» (только перечисляет их вождей) [4; 108]; очевидно, писать было просто не о чем.

Таким образом, главное, если не единственное, различие между образами Ёрмунрекка, Эрманериха, Эорменрика и других, с одной стороны, и Хильдебранда – с другой, является то, что к первым отношение сказителей резко отрицательное («Eormenric... the very model of medieval tyrant» [13; 151]), а к Хильдебранду – неизменно положительное. Однако В. М. Жирмунский пишет: «Германская поэзия не знает морфологического типа биографической поэмы; героические сказания древних германцев существовали в форме самостоятельных песен, посвященных отдельным подвигам героев, из которых каждый образует особый сюжет. Нельзя реконструировать связную биографию там, где не существовало связной биографической формы» [12; 25].

Если даже эти «самостоятельные песни» и группируются вокруг имени какого-то героя, совершенно необязательно, чтобы симпатии или антипатии сказителей и слушателей автоматически переносились из одной песни в другую. Например, эддический Атли, как правило, – злодей, но в «Третьей песни о Гудрун» он представлен вполне благожелательно – как муж, опечаленный подозрениями в отношении верности жены [11; 215–216]. В «Песни о Нibelунгах» автору удается даже разместить такую «неоднозначность» в пределах одного произведения. Например, Кримхильда во второй части поэмы «из нежной супруги и обиженной скорбящей вдовицы превращается в злую ведьму» [9; 719]. Поэтому в «расщеплении» образа исторического Германариха на положительного героя Хильдебранда (воплотившего все достоинства своего прототипа) и отрицательного Ёрмунрекка (и других, принявших на себя все пороки) нет ничего удивительного.

Как же происходило это «расщепление»? Прежде всего следует отметить претенциозность

имени «Германарих», которое явно происходит от латинского «*Rex germani*» – «царь (всех?) германцев». Такое имя могли дать мальчику при рождении только в том случае, если оно уже было (назвали по имени вождя, уже жившего или живущего). Но Иордан не пишет о каком-либо «раннем Германарихе», хотя он не умолчал бы о вожде готов со столь громким именем, даже если бы его носитель ничем себя не проявил. Скорее всего, в истории существовал только один Германарих, какие-либо его тезки отсутствовали. Поэтому представляется вероятным, что данный деятель при рождении был назван Хильдебрандом – это обычное имя, означающее «отмеченный печатью (милостью) древнегерманской богини Хильд». Под этим именем он совершил свои первые подвиги, был избран вождем своего племени, стал верховным вождем всего союза остроготов и только после этого принял то ли почетное прозвище, то ли претенциозный титул, то ли тронное имя – Германарих. (Е. Ч. Скряжинская пишет, что имя преемника Германариха – «Винитарий» – означает «победитель венетов» [4; 332], то есть также представляет собой не имя, данное при рождении, а почетное прозвище, принятое вождем после победы над венетами.) Таким образом, можно допустить, что данный вождь при жизни, вероятно, был известен под двумя именами: в своем родном племени его продолжали по-прежнему называть Хильдебрандом, для прочих же германских и негерманских племен, входивших в состав союза остроготов, он был Германарихом.

Однако финал жизни «короля» не был столь же блестящим, как ее начало. Остроготы, как указывалось выше, потерпели страшное поражение от гуннов и надолго лишились самостоятельности, а перед этим вождь совершил немало жестокостей в отношении своего народа (все, что мы знаем о европейских варварах времен Великого переселения народов, говорит о том, что заставить их подчиняться хоть каким-то «законам» [4; 83] одними словами было невозможно, тем более – организовать их для сопротивления гуннам). Поэтому после бесславной смерти Германариха все его «подданные» прокляли это имя и сделали его определением самого худшего злодея в своем фольклоре. Исключением явилось только родное племя верховного вождя. Вполне естественно, что соплеменники были главной опорой власти Германариха, они практически не страдали от его террора (если не сами подстрекали вождя на расправы с представителями других племен), больше всех гордились его успехами и имели все основания оплакивать его поражения и гибель. Поэтому совершенно неудивительно, что хотя «Хильдебранд» в песнях этого племени имел схожие черты с «Эрманерихами» соседних племен, оценка его действий была диаметрально противоположной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А м м и а н М а р ц е л л и н . Римская история: Пер. с лат. М.: Алетейа, 1993. 569 с.
2. Б о л д а к В. К. Кащей – Германарих?: проблемы реконструкции исторических событий восточных славян II–V вв. Петрозаводск: [б. и.], 2007. 76 с.
3. Г у р е в и ч А . Я . «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
4. Иордан. О происхождении и действиях гетов. Getica: Пер. с лат. СПб.: Алетейа, 1997. 506 с.
5. М е л е т и н с к и й Е . М . «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 364 с.
6. Младшая Эдда: Пер. с древнеисл. репринт. воспр. изд. 1970 г. СПб.: Наука, 2005. 137 с.
7. Песнь о Нibelунгах / Пер. со средневерхненем. Ю. Корнеева // Западноевропейский эпос / Сост. Л. А. Плотникова. Л.: Лениздат, 1977. С. 240–295.
8. Песнь о Хильдебранде / Пер. с древневерхненем. Т. Сулиной // Зарубежная литература средних веков / Сост. Б. И. Пуришев. М.: Просвещение, 1975. С. 10–14.
9. Р ы к о в а Н . Я . Героический эпос Средневековья // Западноевропейский эпос / Сост. Л. А. Плотникова. Л.: Лениздат, 1977. С. 706–726.
10. С м и р н и ц к а я О . А . Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М.: Языки славянских культур, 2005. 175 с.
11. Старшая Эдда: Пер. с древнеисл. // Западноевропейский эпос / Сост. Л. А. Плотникова. Л.: Лениздат, 1977. С. 152–239.
12. Х о й с л е р А . Германский героический эпос и сказание о Нibelунгах: Пер. с нем. / Под ред. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. 446 с.
13. Beowulf: A New Translation with an Introduction by Burton Raffel. N. Y.: The New American Library, Inc., 1963. 159 р.